

Александр Горбачев

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА, САТИРИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ «ПЕСЕНКИ ПРО КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ» В. ВЫСОЦКОГО

Поэтическое творчество Владимира Высоцкого приобрело всенародную известность в первую очередь благодаря таким качествам, как правдивость и искренность. Эпоха «застоя», в которую довелось творить поэту, была крайне неблагоприятной для развития вольной поэтической мысли. Под особым надзором властей в те годы находилась отечественная сатира, хотя именно для нее советская действительность поставляла богатейший материал. Главным определителем качества официальной советской сатиры было цензурное ведомство, поэтому наиболее острые произведения подвергались замалчиванию и прямым запретам на публикацию, исполнение и распространение. Остросоциальная сатира «застойного» периода, почти не имевшая официальных каналов для выхода на широкую аудиторию, может быть отнесена к уникальным явлениям советской литературы 1970 – начала 1980-х гг. В этом ряду творчество Высоцкого окажется далеко не самым последним.

Сатирическая направленность многих его произведений свидетельствует о живом внимании поэта к узловым противоречиям «застойной» действительности. Злободневностью звучания были наделены стихотворения, в которых Высоцкий обращался к подцензурному иносказанию – эзопову языку. Они представляют интерес не только в силу того, что позволяют объемнее видеть творчество поэта, но и как художественное исследование природы власти в целом, советской и брежневской власти – в частности.

Есть основания считать, что Высоцкий намеренно старался избежать зашифровки содержания своих произведений, о чем достаточно убедительно говорят собрания его сочинений, а также интервью и выступления поэта перед зрителями. В 1971 г. в стихотворении «Я все вопросы освещу сполна...») он открыто декларирует неприятие поэтической истины, поданной в зашифрованном виде, заявив: «*Во мне Эзоп не воскресал...*» [1, 164]. Однако по иронии обстоятельств всего через год поэт воспользовался «рабским слогом» в «Песенке про Козла Отпущения».

На первый план в ней выступают обилие аллегорий и сатирический пафос. Для достижения сатирической выразительности автор

прибегает к широкому кругу художественных приемов. К ним в первую очередь относится обращение к иносказательным фольклорным образам (Волк, Медведь, Козел и др.), используемым в качестве сатирических псевдонимов. Автор активно контаминирует жанры: в стихотворении явственно ощутимы басенные и сказочные черты. Ироническая интонация первых четверостиший «Песенки...», нарастая, переходит в открытый сарказм, который придает всему тексту памфлетное звучание.

Интересен язык стихотворения, изобилующий фразеологизмами, поговорками, каламбурами. При этом Высоцкий не только берет из фольклора готовые формы («Толку было с него, правда, как с козла молока...» [2, 303]), но и переиначивает их («Хоть с волками жил – не по-волчьи выл...» [2, 303]). Кроме того, поэт сочетает использование фольклорных элементов с пародийным употреблением советских бюрократизированных клише, которые широко бытовали в «застойном» прошлом («героическая личность», «крепло мнение» и т. п.).

Весь комплекс художественных средств, взятый в единстве с содержанием «Песенки про Козла Отпущения», позволяет определить его прототипическую основу. Решение этой задачи требует выделить два аспекта содержания стихотворения, которые противоречат его прямой трактовке.

Первый аспект объединяет словесные характеристики, относящиеся к главному персонажу – Козлу. Он – «скромный Козлик», но вместе с тем – «наследник» и даже, как ни парадоксально это звучит, – «героическая личность», которая узаконила по отношению к себе обращение с эпитетом «дорогой». Странный персонаж умеет не только блять, но и рычать по-медвежьи и выть по-волчьи. Пройдя немислимую для животного череду избиений и избраний, он наконец провозглашает свое право «отпускать грехи» обитателям заповедника.

Ассоциации, вызываемые описанием похождения и нрава Козла, выстраиваются в достаточно отчетливую картину, свидетельствующую о том, что прообразом главного персонажа послужил многолетний властитель Советской империи Леонид Брежнев, удостоенный в свое время величаний «дорогой» и «героическая личность», которые умело обыграны в стихотворении «Песенка про Козла Отпущения». Кроме того, для усиления сходства между персонажем и прототипом Высоцкий пользуется довольно редким видом аллюзии,

употребляя рифму-намеки. Клаузулы стихотворного текста оказываются созвучными остающейся за его пределами фамилии пожилого Генсека: «по-медвежьему – промеж ему» [2, 303], «по-прежнему – по-медвежьему» [2, 304]. В жертву этой рифме принесены правила орфографии, что, однако, лишь усиливает сатирическую выразительность центрального образа.

Автор прослеживает три этапа становления главного персонажа, соотносящихся с основными периодами политической биографии

Л. И. Брежнева: сталинским (1952 – 1953 г.), хрущевским (1954 – 1964 г.) и эпохой «застоя» (вернее, ее частью: до 1972 года, когда было написано анализируемое стихотворение). Строго говоря, только две строчки первой строфы касаются начала «славных дней» Козла:

*Хоть с волками жил – не по-волчьему был, –
Блеял песенки все козлиные* [2, 303].

Здесь Высоцкий дает намек на вхождение Брежнева в сталинское руководство («волки» – окружение «вождя народов», сталинисты) и вместе с тем – на его личное неучастие в массовых репрессиях той поры как залог будущего пребывания в хрущевской номенклатуре и дальнейшего продвижения вверх по ступеням власти.

Следующий этап карьерного роста Козла отмечен проявлением наиболее ярких черт «героической личности», намеренной занять трон: нестроптивый, покладистый нрав («*Не услышишь от него худого слова*» [2, 303]), осторожность и отменное чутье субординации («*Жил на выпасе, возле озера, // Не вторгаясь в чужие владения...*» [2, 303], конъюнктурное непротавление злу («... *сносил побои весело и гордо*» [2, 303]) и т. п.

Одновременно происходит адаптация индивидуальных черт персонажа к худшим традициям «волчьего» (сталинского) и «медвежьего» (хрущевского) правления, давшая в итоге изумительную по пародийности картину преемственности руководства «заповедника». У Козла немногословное и скрытное осуждение Волка (прототип – Сталин) («*Из кустов назвал Волка сволочью*» [2, 303]) сочетается с потаканием его затаившимся сторонникам («... *очередное отпущенье получал – // Все за то, что волки лишку откусили...*» [2, 304]). Затем, в пору своего полновластия, главный персонаж позаимствовал и волчьих повадки: «*Он с волками жил – и по-волчьему взвыл...*» [2, 304] (автор здесь привычным для себя способом переинтерпретирует известную поговорку, адаптируя ее образы и смысл к интересующим его

политическим реалиям). С той же расторопностью овладевает Козел и неуклюжей грубостью Медведя (прототип – Хрущев), о чем в «Песенке...» сообщается с констатирующей интонацией: *«И рычит теперь по-медвежьему»* [2, 304].

Новоиспеченный правитель окружает себя верными подручными и занят изгнанием неугодных. Теперь уже нешуточно звучат его угрозы в адрес соратников-соперников:

*Отниму у вас рацион волков
И медвежьи привилегии.
[...]
Не один из вас будет землю жрать,
Все погибнете без прощенья!
Отпускать грехи кому – это мне решать,
Это я – Козел Отпущения!* [2, 304]

При Козлином владычестве начинает орудовать ватага неумных и нестеснительных «козлятушек-ребятушек» (фольклорный материал вновь идет в дело), которые *«... засучили рукава – // И пошли шерстить волчишек в пух и клочья...»* [2, 304]. Дорвавшись до власти, Козел озабочен раздуванием значимости собственной персоны: *«Покажу вам «козью морду» настоящую в лесу, // Растишу туда-сюда по трафарету...»* [2, 304]. Опять Высоцкому пригодилась аллюзивная рифма («трафарету – свету», а за текстом – «портрету»), для того чтобы эзоповым языком эпохи «застоя» намекнуть на крупномасштабное тиражирование ретушированных брежневских изображений в 1970-е годы.

Вторую группу несоответствий прямой трактовке содержания стихотворения составляет описание традиций и нравов, бытующих в заповеднике. Именно так обозначает автор место действия, отражая кулуарную атмосферу, которая наличествовала в высших кругах «застойного» руководства страны. В заповеднике царят произвол и насилие, и поэт умеет обнаружить это обстоятельство буквально одним штрихом, представляя вступление центрального персонажа на высокий пост в виде его избрания в *«козлы отпущения»* [2, 303]. Искоренять изъяны уклада жизни в закрытой зоне тамошние вожди пытаются простейшими и хорошо отработанными способами: избиванием очередных изгоев, волчьим воем и медвежьим рычанием. Судьбы обитателей заповедника целиком зависят от воли их главы. Борьба за власть ведется звериными методами, и недаром конец мед-

вежьего правления охарактеризован такими словами: «...хищники меж собой дрались...» [2, 304].

Отношениям между обитателями заповедника присуща кастовость. Здесь не принято перечить старшему, зато ценится покорность. Деление на касты поддерживается системой привилегий (изобретение явно не из мира животных), укоренившейся со времен Медведя. Долгое время самой влиятельной является каста хищников, а ее методы правления используются с завидной преемственностью, в их орбиту вовлекается даже травоядный Козел. Слишком очевидное сходство с авторитарно-бюрократической моделью сосуществования руководящих верхов в советский период делает избыточной расшифровку приведенных аллегорий.

Бессрочная вакансия на пребывание Козла в заповеднике позволяет автору в аллегорической форме представить и высмеять бездейственность положения устава советских коммунистов о периодической сменяемости высшего номенклатурного состава, когда для «выдающихся деятелей» делались нескончаемые исключения:

*Берегли Козла, как наследника, —
Вышло даже в лесу запрещение
С территории заповедника
Отпустить Козла Отпущения* [2, 303].

Жизнь заповедника после Волка регулируется анонимной коллегияльностью. Сила, выдвинувшая Козла на вершины власти и признавшая за ним право быть не только «дорогим», но и «дороже всех медведей и лис» [2, 304], обозначена у Высоцкого словом «мнение», взятым из чиновничьего лексикона «застойных» времен. В заповеднике даже имеется персонально не заявляющая о себе инстанция, которая продуцирует подобные «мнения»; ее автор именуется лесным Львом (Козел, как сказано в «Песенке...», «От лесного Льва имеет полномочья!» [2, 304]).

«Песенка про Козла Отпущения» является одной из наиболее убедительных иллюстраций отсутствия в творчестве Высоцкого запретных тем. Высказанная поэтом правда превышала пределы лояльности «застойной» цензуры, поскольку обличала политическое руководство страны, находившееся тогда вне критики. Однако использование автором в качестве ключевого художественного приема эзопова языка позволило стихотворению избежать цензурных рога-ток и выйти в свет в 1981 г. (сборник «Нерв»), после смерти всенародного барда, но еще при жизни Брежнева.

Литература

1. *Высоцкий В. С.* Собр. соч.: в 4 кн. Кн. 4. М., 1997.
2. *Высоцкий В. С.* Собр. соч.: в 4 кн. Кн. 3. М., 1997.